

Волки и овцы

Автор:

Александр Островский

Волки и овцы

Александр Николаевич Островский

«Действие в губернском городе, в доме Мурзавецкой. Зала, меблированная по-старинному; с правой стороны (от зрителей) три окна, в простенках узкие длинные зеркала с подзеркальниками. У первого окна, ближе к авансцене, высокое кресло и столик, на нем раскрытая старинная книга и колокольчик; в глубине, в правом углу, двустворчатая дверь в большую переднюю; в левом – дверь в комнату Мурзавецкого; между дверями печь; на левой стороне, в углу, дверь в коридор, ведущий во внутренние комнаты; ближе к авансцене двери в гостиную; между дверями придвинут к стене большой обеденный стол...»

Александр Николаевич Островский

Волки и овцы

Действие первое

Лица:

Меропия Давыдовна Мурзавецкая, девица лет 65-ти, помещица большого, но расстроеного имения; особа, имеющая большую силу в губернии.

Аполлон Викторович Мурзавецкий, молодой человек лет 24-х, прапорщик в отставке, племянник Мурзавецкой.

Глафира Алексеевна, бедная девица, родственница Мурзавецкой.

Евлампия Николаевна Купавина, богатая молодая вдова.

Анфуса Тихоновна, ее тетка, старуха.

Вукол Наумович Чугунов, бывший член уездного суда, лет 60-ти.

Михаил Борисович Лыняев, богатый, ожиревший барин, лет под 50, почетный мировой судья.

Павлин Савельич, дворецкий

Влас, буфетчик

Корнилий, лакей

Стропилин, подрядчик

Маляр.

Столяр.

Крестьянин, бывший староста Мурзавецкой.

Мастеровые, крестьяне и приживалки Мурзавецкой.

Действие в губернском городе, в доме Мурзавецкой. Зала, меблированная по-старинному; с правой стороны (от зрителей) три окна, в простенках узкие длинные зеркала с подзеркальниками. У первого окна, ближе к авансцене, высокое кресло и столик, на нем раскрытая старинная книга и колокольчик; в глубине, в правом углу, двустворчатая дверь в большую переднюю; в левом – дверь в комнату Мурзавецкого; между дверями печь; на левой стороне, в углу, дверь в коридор, ведущий во внутренние комнаты; ближе к авансцене двери в гостиную; между дверями придвинут к стене большой обеденный стол.

Явление первое

Павлин у дверей в переднюю, подрядчик, маляр, столяр, староста, крестьяне и мастеровые.

Павлин(подавая руку подрядчику). Господину Стропилину! (Прочим.)
Невозможно, господа, невозможно. Что за базар!

Столяр. Всякий тоже из-за своего интересу.

Маляр. Другому деньги-то как нужны – страсть!

Староста. Праздничное дело: слободно – ну, значит, иди за получкой.

Подрядчик. Праздничное-то дело так бывает, друг сердечный, что и получишь, да домой не донесешь.

Столяр. Донесли бы, сумели, только б было что.

Маляр. Только б залучить деньги-то, а то вот как зажму, силой не отымешь.

Павлин. Стало быть, вы барышню дожидаться хотите?

1-й крестьянин. Да уж подождем; наше дело такое, что дожидаться.

2-й крестьянин. И подождешь, ничего не поделаешь... Мы еще позапрошлую осень лес возили на баньку. (Указывая на подрядчика.) Вон рыжий-то строил.

Маляр. А мы вот палисаду красили, звен двенадцать, да беседку умброй подводили.

Староста. А мы так бычка-опочка в ту пору на солонину...

Столяр. Всякий за своим, ведь и мы вот тоже два столика под орех, да в спальню к барышне...

Павлин. А вы, господин Стропилин?

Подрядчик. Со старым счетцем. Вышел из дому с утра по своим делам, так уж, думаю, пройду, мол, заместо моциону.

Павлин. Ну, что ж мне делать прикажете! Допустить вас я не смею. Домой идите, други милые, вот что я вам скажу. После понаведаетесь, да не все вдруг!

Подрядчик. Нет, уж меня-то вы до барышни допустите, Павлин Савельич.

Голоса. Допущай до самой! Всех допущай до самой!

Павлин. Я, пожалуй, допущу; только с уговором, господа. Вот первое: которые почище (указывает на подрядчика, маляра, столяра и старосту), останьтесь здесь (остальным), а вы к крыльцу. Второе дело: как барышня из экипажа, сейчас все к ручке; а кто, по усердию, может и в ножки. Об деньгах и не заикаться; с праздником можно поздравить, а об деньгах чтоб ни слова.

Маляр. Да коли мы за ними собственно пришли, как же так ни слова?

Павлин. А так же – ни слова, да и все тут. Пройдут барышня в гостиную, чаю накушаются, я им доклад сделаю; тогда вам всем резолюция и выдет. Как же вы хотите, чтоб праздничное дело, утром, да сейчас за суету? Барышня в это время тишину любят и чтоб никто их не беспокоил, особливо об деньгах. Вы то подумайте: когда они приедут из собора, сядут в размышлении и подымут

глазки кверху, где душа их в это время бывает?

Подрядчик. Высоко, Павлин Савельич, высоко.

Староста. Уж так-то высоко, что ах!

Павлин. Ну, вот то-то же! (Маляру.) А ты с умброй! Эх, сырье! Когда вы отмякнете сколько-нибудь? Деньги деньгами, а тоже и время надо знать. Мы суеты всеми манерами избегать стараемся; а он за бычка-опоечка получать пришел. Ну, ступайте на свое место.

Крестьяне и мастеровые уходят. Входит Чугунов с портфелем.

Явление второе

Павлин, Чугунов; (у двери в переднюю) подрядчик, маляр, столяр, староста; потом Корнилий.

Чугунов(указывая глазами на толпу). Набралось гостей со всех волостей.

Павлин(нюхая табак). Комиссия, сударь.

Чугунов. Дай-ка березинского-то!

Павлин подает табакерку.

(Понюхав.) Разбор делаешь: кому – подожди, кому – после приди!

Павлин. Перемежка в деньгах, сударь.

Чугунов. Это бывает. Перед деньгами, говорят.

Павлин. Дай-то Бог! Женское дело, сударь... От женского ума порядков больших и требовать нельзя.

Чугунов. Ну, не скажи! У Меропы Давыдовны ее женского ума на пятерых мужчин хватит.

Павлин. Как же возможно против мужчины! Кабы столько ума было, так за вами бы не посылали; а то чуть кляузное дело, сейчас за вами и шлют.

Чугунов. Да на кляузы разве ум нужен? Будь ты хоть семи пядей во лбу, да коли законов не знаешь...

Павлин. Понимаю я-с. Да от большого ума кляуз-то заводить не следует. Конечно, осуждать господ мы не можем, а и похвалить нельзя. У Меропы Давыдовны такой характер: с кем из знакомых размолвка – сейчас тяжбу заводить. Помилуйте, знакомство большое, размолвки частые – только и знаем, что судимся.

Чугунов. Да, другой раз просто не из чего дело затеваешь.

Павлин. Только что от всех знакомых господ неудовольствия.

Чугунов. Да ведь мы никого не обидели: нам все отказывают, еще ни одного дела не выиграли.

Павлин. Так ведь убытку много: проторы платим да подьячих кормим.

Чугунов. Кто ж их кормить-то будет? Ведь и они кушать хотят, люди тоже.

Павлин. Не считаю я их за людей, сударь.

Чугунов. Напрасно. Ведь и я подьячий, Павлин Савельич.

Павлин. Знаю-с.

Чугунов. А знаете, так будьте поучтивее. У меня таких-то хамов, как вы, полтора ста животов было.

Павлин. Было, да прошло.

Чугунов. Да, прошло; был барин, а теперь вот сутягой стал да холопские разговоры слушаю.

Павлин. Нельзя и не говорить; поневоле скажешь, коли вы барышню только смущаете. Можно вам теперь, сударь, кляузы-то бросить и опять барин, а жать: золотое дело имеете.

Чугунов. Имею.

Павлин. По милости нашей барышни у госпожи Купавиной всем имением управляете – ведь это легко сказать! Да оно и видно: и домик обстроили, и лошадок завели, да и деньги, говорят...

Чугунов. Заговорили уж, позавидовали!

Павлин. Нет, что ж, давай Бог, наживайтесь!

Чугунов. Да и наживусь, и наживусь. Разговаривай еще! Посмотрю, что ль, я на кого! Я видал нужду-то, в чем она ходит. Мундир-то мой помнишь, давно ль я его снял? Так вытерся, что только одни нитки остались; сарафан ли это, мундир ли, не скоро разберешь.

Павлин. Барыня молодая, добрая, понятия ни об чем не имеют; тут коли совесть не зазрит...

Чугунов. Зачем же ты совесть-то? К чему ты совесть-то приплел? В философию пускаться тебе не по чину...

Павлин(взглянув в окно). Барышня идут. (Уходит.)

Корнилий в белом галстуке и белых перчатках выходит из гостиной, отворяет обе половинки дверей и становится слева.

Явление третье

Чугунов встает со стула и становится недалеко от двери в гостиную, за ним по линии к выходной двери становятся: подрядчик, потом староста, потом маляр и столяр. Мурзавецкая одета в черную шелковую блузу, подпоясанную толстым шелковым шнурком, на голове кружевная черная косынка, которая, в виде вуаля, до половины закрывает лицо, в левой руке черная палка с белым, слоновой кости, костылем. Проходит медленно и не глядя ни на кого от дверей передней в гостиную. Все стоящие в зале поочередно целуют ее правую руку. За ней, в двух шагах, проходит, опустя глаза в землю, Глафира, одета в грубое черное шерстяное платье. Потом две приживалки, одетые в черное. Павлин идет с левой стороны Мурзавецкой и, почтительно согнувшись, несет на руке что-то вроде черного плаща. Корнилий, пропустив всех, входит в гостиную и затворяет двери.

Явление четвертое

Чугунов, подрядчик, староста, маляр, столяр, потом Павлин.

Староста. Ах, матушка! Дай ей, Господи! Создай ей, Господи!.. И костылек-то все тот же.

Подрядчик. Разве помнишь?

Староста. Да как не помнить? Тоже, как крепостными-то были...

Подрядчик. Так хаживал по вас?

Староста. Еще как хаживал-то!

Выходит Павлин.

Павлин. Не в час, господа, пришли.

Чугунов. Что так?

Павлин. И докладывать-то не смею. (Чугунову.) Наказанье нынче, сударь Вукол Наумыч, с прислугой. Сливки вскипятить не умеют, либо не хотят, что ли. Только и твердишь, чтоб пенки как можно больше, потому барышня страсть их любят. В такой малости не хотят барышне удовольствия сделать, ну и гневаются.

Староста. Что же теперича нам?

Павлин. А как-нибудь на неделе, что там Бог даст.

Маляр. Ходишь, ходишь, только мбета одна.

Павлин. Ну, уж будет! Поговорил и довольно! Ласково я с вами говорю или нет? Так вы грубого слова не дожидайтесь.

Столяр. Только и всего? С тем, значит, и идти?

Павлин. Чего ж тебе? Угощенья для вас не припасено. (Подрядчику.) До приятного свидания, господин Стропилин. (Прочим.) Ну, так прощайте, добрые люди!

Подрядчик, староста, маляр и столяр уходят.

Вам, сударь, в столовой фриштыкать приготовят.

Чугунов. Дай-ка табачку-то!

Павлин(подавая табакерку). Пожалуйста. Уж придется вам повременить, потому барышня Аполлона Викторыча дожидаются.

Чугунов. Где же он?

Павлин. Одно место у них. Просто срам, сударь! В городе-то стыдятся; так возьмут ружье, будто за охотой, да на Раззорихе, в трактире и проклажаются. И трактиришко-то самый что ни есть дрянной, уж можете судить, – в деревне, на большой дороге заведение, на вывеске: «Вот он!» написано. Уж так-то не хорошо, что и сказать нельзя. Дня по два там кантуют, ссоры заводят – и что им там за компания! Барышня уж послали буфетчика Власа, велели их домой привезти.

Чугунов. А что ему дома-то делать?

Павлин. Барышня хотят их установить и в хороший круг ввести; в гости с ними хотели сегодня ехать и даже все новое им платье приказали сшить.

Чугунов. Уж не женить ли хотят?

Павлин. Похоже на это-с.

Чугунов. Жених завидный.

Павлин. Вот теперь тоже Евлампия Николаевна вдовеют, господин Лыняев тоже холостой.

Чугунов. Обо всех-то у матушки Меропы Давыдовны забота.

Павлин. Нельзя же-с. И ах, как они чудесно рассуждают! Евлампия Николаевна богаты очень – значит, им можно и небогатого жениха, только б молодого, вот как наш Аполлон Викторыч; Михаил Борисыч Лыняев тоже богаты и уж в летах – для них теперь на примете есть барышня, княжеского рода; немолодая, это точно-с, и в головке у них словно как дрожание, а уж так образованы, так образованы, что сказать нельзя-с. (Взглянув в окно.) Да вот, должно быть,

барина привезли.

Чугунов. Так я в столовую. (Уходит.)

Входят: Мурзавецкий, одет в черном сюртуке, застегнутом на все пуговицы, панталоны в сапоги, на голове фуражка с красным околышем и с кокардой, Влас, с ружьем, патронташем, ягдташем и арапником.

Явление пятое

Мурзавецкий, Павлин, Влас.

Мурзавецкий(не снимая фуражки). Ма тант у себя?

Павлин. У себя-с.

Мурзавецкий. Ох, уж эта охота мне! Устал, братец. А что делать-то! Страсть! Жить без охоты не могу. Халат теперь, да спать завалиться. (Хочет идти в свою комнату.)

Павлин. Нет уж, извольте здесь подождать, так приказано.

Мурзавецкий садится у окна.

Влас. С рук на руки, Павлин Савельич, и барина, и всю сбрую, и амуницию.

Павлин(заглянув в ягдташ). В ягдташе-то, сударь, не то что дичи, а и перышков-то нет.

Мурзавецкий. Незадача, братец, дьявольская незадача. Выход нехорош был, вернуться б надо; заяц дорогу перебежал, какая уж тут охота! Что ни приложусь, паф! – либо пудель, либо осечка.

Павлин(Власу). Снеси к барину в комнату, положи осторожнее!

Влас уходит.

Мурзавецкий(растворяя окно). Фу, духота какая! (Высовывается в окно и свищет.) Тамерлан! Ах, проклятый! Ну, погоди ж! Человек, приведи сюда Тамерлана да подай мне арапник!

Павлин. Нет уж, этого ни под каким видом нельзя: не приказано-с. И какой же это Тамерлан? Нешто такие Тамерланы бывают? Уж много сказать про него, что Тлезор, и то честь больно велика; а настоящая-то ему кличка Шалай.

Мурзавецкий. Много ты понимаешь!

Павлин. Да я всю его родословную природу знаю. Окромя что по курятникам яйца таскать, он другой науки не знает. Его давно на осину пора, да что и на осину-то! Вот, Бог даст, осень придет, так его беспрременно, за его глупость, волки съедят. Недаром мы его волчьей котлеткой зовем. А вы бы, сударь, фуражку-то сняли, неравно барышня войдут.

Мурзавецкий(снимая фуражку). Не твое дело; ты знай свое место! Я разговаривать с вашим братом не люблю.

Павлин. Слушаю-с.

Мурзавецкий. Фу, черт возьми, что это мне как будто не по себе, нездоровится что-то? Ноги, должно быть, промочил в болоте. (Громко.) Человек, водки!

Павлин. Здесь, сударь, не в раззорихинском трактире.

Мурзавецкий. Ну, что же, что не в раззорихинском трактире, ну, что же?

Павлин. А то, что здесь не подадут-с.

Мурзавецкий. Ну, пожалуйста, Павлин Савельич, ну, будь другом, ну, я тебя прошу. Не в службу, а в дружбу, братец, понимаешь?

Павлин. Вот то-то же, сударь.

Мурзавецкий. Право, так что-то фантазия пришла. Павлин Савельич, я с тобою буду откровенен! адски хочется, братец.

Павлин. Уж, видно, нечего с вами делать. (Уходит.)

Из гостиной входит Глафира и идет к коридору.

Явление шестое

Мурзавецкий, Глафира, потом Павлин и Влас.

Мурзавецкий. Кузина, удостойте взглядом! Глазки-то, фу! Все отдашь!

Глафира. Что вам угодно?

Мурзавецкий. Что мне угодно? Вот странно! Мне угодно расцеловать вас, но...

Глафира. Вы глупы.

Мурзавецкий. Пардон, мадемуазель!

Глафира. Adieu, monsieur![1 - Прощайте, господин! (франц.)](Хочет идти.)

Мурзавецкий. Постойте! Нет, в самом деле, ма тант иррите?

Глафира. Как вы дурно говорите по-французски!

Мурзавецкий. Ничего, по нашей губернии сойдет.

Глафира. Да, я не думаю, чтоб она была довольна вами. (Хочет идти.)

Мурзавецкий. Атанде! Поклон.

Глафира. От кого?

Мурзавецкий. От Лыняева.

Глафира. Благодарю вас. Что это ему вздумалось?

Мурзавецкий. На охоте встретились, денег у него занял, черт его возьми! Шуры-муры завели? Ну, что уж, признавайтесь! А еще важность на себя напускаете.

Глафира, пожав плечами, уходит. Входят Павлин и Влас с подносом, на котором рюмка водки и закуска.

Павлин. Извольте кушать поскорее, а то, чего доброго, барышня выйдут.

Мурзавецкий(выпив и закусив). Фу! Кабачная водка, собачья закуска! (Власу.) Пошел!

Влас уходит.

Павлин. Какая есть, и за ту спасибо скажите, сударь!

Мурзавецкий. Что ты важничаешь! Точно какое одолжение мне сделал. Я тебе приказал, ты мне подал, вот и все. Смел бы ты не подать.

Павлин. Хорошо-с, так и будем знать.

Мурзавецкий. Хам и важничает – это смешно даже.

Входит Мурзавецкая.

Явление седьмое

Мурзавецкий, Мурзавецкая, Павлин.

Мурзавецкая. Что ты расселся? Не видишь? (Поднимая костыль.) Встань!

Мурзавецкий. Ах, пардон, ма тант! Я так, что-то не в духе сегодня, не в расположении.

Мурзавецкая. А очень мне нужно! (Павлину.) Поди затвори двери; и не принимать никого, пока я не прикажу.

Павлин(подавая кресло). Слушаю-с. (Уходит.)

Мурзавецкая(указывая на стул). Вот теперь садись, когда приказывают.

Мурзавецкий. О, ма тант, не беспокойтесь.

Мурзавецкая. Да что не беспокоиться-то? Будешь вертеться передо мной, как бес; терпеть не могу. (Стучит палкой.) Садись!

Мурзавецкий садится.

Долго ты меня будешь мучить да срамить?

Мурзавецкий(с удивлением). Что такое? Я, ма тант, ваших слов не понимаю.

Мурзавецкая. А то, что ты шляешься по трактирам, водишься с мужиками – ссоры у вас там... Мурзавецкому-то это прилично, а?

Мурзавецкий. Вот превосходно, вот превосходно! Однако ж меня ловко оклеветали перед вами.

Мурзавецкая. Где уж клеветать; про тебя и правду-то мне сказать, так люди стыдятся. Да чего и ждать от тебя? Из полка выгнали...

Мурзавецкий. Позвольте, ма тант!

Мурзавецкая. Молчи! Уж не болело б у меня сердце, кабы за молодечество за какое-нибудь: ну, растрать ты деньги казенные, проиграй в карты – все б я тебя пожалела; а то выгнали свои же товарищи, за мелкие гадости, за то, что мундир их мараешь.

Мурзавецкий. Но позвольте же!

Мурзавецкая. Куда как хорошо, приятно для всей нашей фамилии!

Мурзавецкий. Но позвольте же в оправдание... два слова.

Мурзавецкая. Ничего ты не скажешь, – нечего тебе сказать.

Мурзавецкий. Нет, уж позвольте!

Мурзавецкая. Ну, говори, сделай такую милость!

Мурзавецкий. Судьба, ма тант, судьба; а судьба – индейка.

Мурзавецкая. Только?

Мурзавецкий. Судьба – индейка, я вам говорю, вот и все.

Мурзавецкая(покачав головою). Ах, Аполлон, Аполлон! Если жалеть тебя и любить как следует, так ведь с ума сойдешь, глядя на тебя. Вот что ты мне скажи: совладать-то с собой ты можешь али нет – ну, хоть ненадолго!

Мурзавецкий. Я-то, я-то с собой не совладаю? Вот это мило! Покорно вас благодарю.

Мурзавецкая(не слушая его). Ведь если б ты был хоть немного поприличнее, я бы тебе и службу достала, и невесту с хорошим приданым.

Мурзавецкий. Ма тант, ручку! (Целует руку у Мурзавецкой.) Мерси!

Мурзавецкая. Только уж чтоб ни-ни, чтоб и духу этого не было!

Мурзавецкий. Что вы мне говорите! Как будто я не понимаю, я очень хорошо понимаю. Дурачусь, а коли вам угодно, так хоть сейчас – ни капли, абсолюман.

Мурзавецкая. Не верю.

Мурзавецкий. Пароль донёр, – честное слово благородного человека.

Мурзавецкая. Давно это слово-то я слышала.

Мурзавецкий(встает). Ну, хотите пари, пари, ма тант, какое вам угодно?

Мурзавецкая. Нет, уж я лучше без пари, я вот не пущу тебя никуда из дому да выдержу хорошенько.

Мурзавецкий(глядя в окно). Все, что вам угодно, ма тант...

Мурзавецкая. Выезжать ты будешь только со мной, и вот сегодня же.

Мурзавецкий(в окно, ударяя ладонью себя по груди). Тамерлан, соте, соте!

Мурзавецкая. Полоумный! Что ты, опомнись! С грязными-то лапами в окно!

Мурзавецкий. Пардон! (В окно.) Куш, куш, анафема!

Мурзавецкая. Опомнись, опомнись! Сядь, сию минуту сядь!

Мурзавецкий. Ах, ма тант, вы не понимаете: собаке строгость нужна, а то бросить ее, удавить придется.

Мурзавецкая(стуча палкой). Шалопай! Кому я говорю?

Мурзавецкий. Сейчас, ма тант, к вашим услугам. (В окно.) Куш, говорят тебе! Где арапник? (Громко.) Человек, подай арапник!

Мурзавецкая(берет его за руку и сажает). Арапник-то нужен для тебя. Об чем я тебе говорила, ты слышал, слышал?

Мурзавецкий. Ах, ма тант, как меня этот пес расстроил!

Мурзавецкая. Ну, вот тебе мой приказ: поди выпись, а вечером к невесте поедем! Оденься хорошенько, к Евлампии Николаевне поедем!

Мурзавецкий. Боже мой, как я влюблен-то в нее! Уж это... уж это... тут, ма тант, слов нет. Мерси, мерси! Вот за это мерси! (Целует у нее руку.)

Мурзавецкая. Поди спать!

Мурзавецкий(идет к двери, потом возвращается). Доне муа де ляржан!

Мурзавецкая. Не считаю нужным.

Мурзавецкий. Так прикажите принести!

Мурзавецкая. Чего еще?

Мурзавецкий. Енпё, маленький флакончик и закусить. Вообразите, вчера до ночи по болотам; страсть, ма тант, куска во рту не было.

Мурзавецкая. А кто пари предлагал?

Мурзавецкий. Ах, я оставлю; уж сказал, так и оставлю. Только не вдруг, сразу нельзя: знаете, бывают какие случаи, ма тант? Трагические случаи бывают. Вот один вдруг оборвал и, как сидел, так... без всяких прелюдий, просто даже без покаяния, ма тант. Вот оно что!

Мурзавецкая. Бог не без милости, может быть, и не умрешь.

Мурзавецкий(громко вскрикивает). Ах! (Хватается за грудь.) Ай, ай, ай! Вот оно!

Мурзавецкая. Что случилось?

Мурзавецкий(хватаясь за грудь). Насквозь, ма тант, от сердца да под лопатку.

Мураавецкая. Пройдет, ничего.

Мурзавецкий(вскрикивает громче). Ой!.. Ох, ох! Точно кинжалом.

Мурзавецкая. Ну, ступай! Я прикажу, только уж в последний раз, слышишь?

Мурзавецкий. Уж не знаю, дойду ли до комнаты. Долго ль, в самом деле, умереть! Мне жизнь копейка, да ведь без покаяния, ма тант... (Уходит.)

Мурзавецкая звонит, входит Павлин.

Явление восьмое

Мурзавецкая, Павлин.

Мурзавецкая. Смотреть за Аполлоном Викторычем, чтоб ни шагу из дому! Вели людям сидеть в передней безвыходно! Тебе я приказываю, с тебя и спрошу.

Павлин. Осмелюсь доложить, сударыня, они в окно даже иногда...

Мурзавецкая. Убери все платье! Вели взять, будто почистить, да и не давай! В халате не уйдет.

Павлин. Осмелюсь доложить, сударыня, они и в халате, ежели к вечеру...

Мурзавецкая. Где он деньги берет?

Павлин. Заимствуются-с.

Мурзавецкая. У кого?

Павлин. У разных господ-с, которые знакомые, вот у господина Лыняева и у прочих. Осмелюсь вам доложить, сударыня, ни одного гостя не пропускают, чтоб не попросить.

Мурзавецкая. Нет, уж терпенья моего не хватает!.. Женю я его... Уж суди меня Бог, а я его женю.

Павлин. Чего бы лучше-с!

Мурзавецкая. Что это за народ был у крыльца и здесь?

Павлин. За получением-с; давно ждут, сударыня-с.

Мурзавецкая. Ну, пусть еще подождут.

Павлин. Одолеют, сударыня, беспокойство для вас.

Мурзавецкая. А что мне беспокоиться-то? У меня нужды не бывает – мне на нужду посылается, сколько нужно. Что ты смотришь? Да, сколько нужно, столько и пошлетя: понадобится мне тысяча, будет тысяча, понадобится пятьдесят тысяч, будет и пятьдесят. А сказывал ли ты им, что кому я должна, я тех помню, я за тех молюсь; а кому заплатила, тех из головы вон?

Павлин. Сказывал, да понимать не хотят – деньги требуют-с. Необразование, а при всем том и закоренелость.

Мурзавецкая. А ведь бывали примеры, Павлин, что за мои молитвы-то счастье посылается, барыши большие... Ну, что ж, коли им деньги нужны, так заплатим.

Павлин. Срок бы им какой назначить-с.

Мурзавецкая. Зачем срок? Что мне себя связывать! Отдам, вот и все тут. Я еще не знаю, сколько у меня денег и есть ли деньги – да и копать-то в них за грех считаю. Когда понадобятся... да не то что когда понадобятся, а когда захочу отдать, так деньги найдутся, стоит только пошарить кругом себя. И найдется ровно столько, сколько нужно. Вот какие со мной чудеса бывают. Да ты веришь аль нет?

Павлин. Как же я смею не верить-с?

Мурзавецкая. Так об чем и разговаривать? Беспокоиться о долгах я не желаю. Куда торопиться-то? Почем мы знаем, может быть, так и нужно, чтоб они ждали, – может быть, им через меня испытание посылается?

Павлин. Это действительно-с.

Мурзавецкая. Позови ко мне Чугунова.

Павлин(у двери). Вукол Наумыч, пожалуйста к барышне. (Мурзавецкой.) Идут-с. (Уходит в переднюю.)

Входит Чугунов.

Явление девятое

Мурзавецкая, Чугунов.

Чугунов. С праздником, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Здравствуй, Вукол Наумыч! Садись.

Чугунов. Ручку позвольте, благодетельница! (Целует руку и садится.) Присылать изволили?

Мурзавецкая. Посылала. Дело у меня важное, Вукол, дело большое; третью ночь я об нем думаю, да не знаю, как расположиться-то на тебя, поверить-то тебе боюсь.

Чугунов. Да разве у меня совесть подыметя против благодетельницы...

Мурзавецкая. У тебя совести нет.

Чугунов. Нельзя совсем не быть, матушка-благодетельница. Все уж сколько-нибудь да есть.

Мурзавецкая(стучит костылем.). У тебя совести нет.

Чугунов. Ну, как вам угодно, как вам угодно, спорить не смею. Я только одно скажу: вы у меня после Бога...

Мурзавецкая. Лжешь.

Чугунов. И не знаю я за собой греха против вас.

Мурзавецкая. Потому что боишься меня, знаешь, что я могу тебя и с места теплого турнуть и из городу выгнать, - проказ-то немало за тобой; и придется

тебе в волостные писаря проситься. Да ведь у меня недолго, я как раз.

Чугунов(встает и целует у ней руку). Нет уж, благодетельница, не лишайте ваших милостей!

Мурзавецкая. Садись!

Чугунов садится.

Дело вот какое: брат мой, Виктор Давыдыч, отец Аполлона, имел дела с Купавиным, с мужем Евлампии.

Чугунов. Деньги занимали у Купавина, а больше никаких дел не имели-с.

Мурзавецкая. Да, занимал, и Купавин ему давал. А вот перед смертью братец стал бумажный завод строить, и не хватило у него денег; Купавин обещал дать, да и не дал.

Чугунов. Так точно-с.

Мурзавецкая. А если б Купавин не отказал?

Чугунов. Тогда ваш братец выстроили бы завод. Отчего ж на чужие деньги не выстроить?

Мурзавецкая. Да, выстроил бы и, по его расчету, за уплатой всех долгов нажил бы пятьдесят тысяч. Значит, виноват Купавин, что Аполлон нищий остался. Ну, надо правду сказать, Вукол, братец покойник прихвастнуть любил, я всегда ему только вполовину верила; так вот я теперь, может, и себя обижаю, а считаю за Купавиной только двадцать пять тысяч, а не пятьдесят.

Чугунов. Считать можно-с.

Мурзавецкая. Да и говорю везде, по всему городу славлю, что Купавины должны Аполлону, что они ограбили у меня племянника.

Чугунов. И говорить можно-с.

Мурзавецкая. «Можно» да «можно»! А чего нельзя-то, по-твоему?

Чугунов. Нельзя этих денег получить-с. Никто не обязан займы деньги давать-с, на это есть добрая воля. Хоть Купавин и не дал займы вашему братцу, а все-таки по закону взыскать с него за это ничего нельзя, потому что строят-то на свои...

Мурзавецкая. Ах ты, ворона! Да разве я глупей тебя? Разве я не понимаю, что по законам, по тем, что у вас в книгах-то написаны, тут долга нет. Так у вас свои законы, а у меня свои; я вот знать ничего не хочу, кричу везде, что ограбили племянника.

Чугунов. Ваша воля, вам запретить никто не может.

Мурзавецкая. Так ведь не сдуру же я. Как ты думаешь, а? Сдуру я, или у меня есть в голове что-нибудь?

Чугунов. Стало быть, есть.

Мурзавецкая. На совесть я на людскую надеюсь, все еще в совести людской не изверилась... Думаю: Евлампия женщина добрая, деликатная, не потерпит, чтоб про нее такой разговор был.

Чугунов. Полагаете, заплатит?

Мурзавецкая. Нет, не полагаю. Велики деньги, где ж заплатить! А мы мировую сделаем.

Чугунов. Сколько ж вы по мировой получить надеетесь?

Мурзавецкая. Ничего не хочу я получать; а женим Аполлона на ней, вот и квит. Из того только я и бьюсь, из того и сыр-бор загорелся, и разговор об долге

пошел.

Чугунов(с испугом встает). Матушка, матушка!

Мурзавецкая. Чего ты испугался?

Чугунов. Ведь уж тогда вы, благотельница, все управление в свои ручки возьмете?

Мурзавецкая. Разумеется, возьму.

Чугунов. А я-то куда же, благотельница?

Мурзавецкая. А куда хочешь. Вот, очень мне нужно! Будет с тебя, нагрел руки-то.

Чугунов. Нет, матушка-благотельница, нет, разве малость самую. Мне вот к усадьбишке пустошь прикупить хочется, рядом продается, три тысячи просят.

Мурзавецкая. Не жирно ли, Вукол?

Чугунов. И ни за чем бы я больше не погнался, на всю жизнь кусок хлеба, и кляузы брошу.

Мурзавецкая. Коли дело сделается, я тебе тысячу рублей дам, а остальные сам промышляй покуда, сколачивай как-нибудь, я тебе не судья. Только не больше; а две тысячи хоть и у Купавиной своруешь, так не бойся, ее не разоришь.

Чугунов. Только вы-то, благотельница, не осудите, вы-то не осудите; а то никого мне не страшно, уж я себя не обижу.

Мурзавецкая. Ну, об тебе-то довольно толковать, ты меня-то послушай!

Чугунов. Слушаю, благотельница.

Мурзавецкая. По-моему, всякая баба – дрянь, хоть ты ее золотом осыпь, все ей самой-то цена – грош. А Евлампия теперь с деньгами-то, пожалуй, очень высоко думает о себе: тот ей не пара, другой не жених.

Чугунов. Насчет этого я в их мысли проникнуть не могу-с.

Мурзавецкая. Я ведь девица старая, я мужчин разбирать не умею; может быть, Аполлон и в самом деле плохой жених; да, понимаешь ты, что я этого и знать не хочу; я своему родному добра желаю, а до нее мне и горя мало... так вот, если она заупрямится, надо нам с тобой, Вукол, придумать, чем пугнуть ее.

Чугунов. Будем придумывать, благодетельница.

Мурзавецкая. Ну, и думай! Как по-твоему, кому ты должен служить: мне или ей?

Чугунов. Никому, кроме вас, благодетельница.

Мурзавецкая. Вот и сослужи своей благодетельнице службу великую, избавь ее от заботы! Ведь иссушил меня племянничек-то.

Чугунов. Ничего-с, можно-с, не извольте беспокоиться. Я имею полную уверенность от Евлампии Николаевны, могу все дела вести и миром кончать.

Мурзавецкая. Ну, так что же?

Чугунов. Надо бы какой-нибудь счетец старый найти, или в книгах конторских нет ли каких расчетов, на чем вам претензию основать... да я поищу-с. Потом мы с Аполлоном Викторычем дело и кончим миром у мирового. Я какой вам угодно долг признаю, хоть во сто тысяч. Выдадут Аполлону Викторычу исполнительный лист, вот уж тогда дело будет крепко, таким документом пугнуть можно-с! Выходи замуж, а то, мол, разорю.

Мурзавецкая. Да, да, да... вот, вот, мне только того и нужно. Ну, да еще это дело впереди, может быть, и без того сладим. А заупрямится, так уж не взыщи... Что греха таить, я для своей родни криводушница.

Чугунов. А кто ж без греха-то? Кто похвалится, благодетельница?

Мурзавецкая. У Евлампии наличные деньги есть?

Чугунов. Как не быть, есть.

Мурзавецкая. Что ж она, забыла, что ли? Я ей не раз напоминала. Муж ее обещал дать мне тысячу рублей на бедных... да уж не помню, на словах он говорил или письмо было от него. «В завещании, говорит, я этих денег не помещаю, все равно, когда умру, вам жена моя заплатит». Кажется, было письмо. Ты смотрел в моих бумагах?

Чугунов. Раз пять пересматривал, на дом брал-с.

Мурзавецкая. Нет?

Чугунов. Нет-с.

Мурзавецкая. Жаль. Не верить мне она не смеет, а все-таки, пожалуй, поморщится.

Чугунов. Так что же-с, можно-с...

Мурзавецкая. Что «можно»?

Чугунов. Да письмо найти, коли оно нужно-с.

Мурзавецкая. Ведь уж ты искал?

Чугунов. Искал, да не там, где надобно; сдуру-то только время потерял даром. (Вынимает из кармана письмо и подает Мурзавецкой.) Вот извольте, матушка-благодетельница, нашлось.

Мурзавецкая(прочитав про себя письмо). Его рука, его. Что такое? Уж не колдовство ли?

Чугунов. Как можно, благодетельница... грех этакий! возьму ли я на свою душу?..

Мурзавецкая. А не колдовство, так не много лучше, – это подлог; за это Сибирь. (Отдает письмо Чугунову.)

Чугунов. Что это вы какие слова говорите! Зачем, благодетельница, такие слова говорить! Ну, что за подлог? Умное дело – вот как это называется. Такая воля была господина Купавина; а не все ли равно, что на словах, что на письме он ее выразил. А если без письма-то Евлампия Николаевна не поверит да денег не даст, так не больше ли тогда греха-то будет? И воля покойного не будет исполнена, и бедным на помин его доброй души ничего не достанется.

Мурзавецкая. А если я тебя обманула, если он не обещал мне?

Чугунов(хочет разорвать письмо). Так ведь вот... долго ли?

Мурзавецкая. Что ты, что ты! Постой! Подай сюда. (Берет письмо.)

Чугунов. Жаль, что мало, Меропа Давыдовна, – вот что надо сказать.

Мурзавецкая. Чего мало?

Чугунов. Да денег-то. Уж заодно бы...

Мурзавецкая. Да что ты, пропащий! Ведь только обещано.

Чугунов. То-то я и говорю; жаль, что мало обещано, а уж писать-то бы все одно.

Мурзавецкая. Разбойник ты начисто, Вукол, как погляжу я на тебя. Вот я бедным помогаю, так для них можно и душой покривить, грех небольшой; а ты, поди, и для своей корысти от такого баловства не прочь. (Прячет письмо в карман и грозит Чугунову.) Эй, Вукол, совесть-то, совесть-то не забывай, пуще всего! Ведь это дело уголовное.

Чугунов. Уголовное, благодетельница, уголовное.

Мурзавецкая. Сам, что ли?

Чугунов. Где уж самому! Руки трясутся... Племянник.

Мурзавецкая. Горецкий?

Чугунов. Он, благотельница. Думали, ничего из парня не выдет, не учился нигде и грамоте едва знает, отдали частному землемеру в помощники, так все одно, что бросили... И вдруг какое дарование открылось! Что хотите дайте, точка в точку сделает.

Мурзавецкая. Введет он тебя в беду с этим дарованием-то.

Чугунов. Побаиваюсь, благотельница... А прогнать жаль, неровен час и понадобится; не себе, так добрым людям услужить. (Взглянув в окно.) Кто-то подъехал к вам. Уж вы меня отпустите! (Целует руку Мурзавецкой.)

Мурзавецкая. Прощай, Вукол, спасибо.

Чугунов. Коли опять что понадобится, только, благотельница, мигните, я всей душой. (Уходит.)

Входит Павлин.

Павлин. Господин Лыняев с Анфусой Тихоновной подъехали.

Мурзавецкая. Проси!

Павлин уходит. Входят Лыняев и Анфуса.

Явление десятое

Мурзавецкая, Лыняев, Анфуса и Павлин у двери.

Лыняев. Ух! Здравствуйте!

Мурзавецкая(поцеловавшись с Анфусой). Здравствуй, телепень! Садитесь, гости будете. Где ты эту красавицу-то поддел?

Лыняев. У гостиного двора Евлампия Николаевна навязала; она к вам заедет за ней.

Мурзавецкая(Анфусе). Тебе, сирота, чайку?

Анфуса. Да, уж бы, чайку бы уж...

Мурзавецкая(Павлину). Поддай чаю Анфусе Тихоновне.

Павлин уходит.

(Лыняеву.) А кабы не поручение, ты бы и не заехал ко мне, пожалуй?

Лыняев. Не заехал бы сегодня, дел ведь у нас с вами никаких нет.

Мурзавецкая. Да не все по делу, а так, навестить старуху, побеседовать?

Лыняев. Ведь у нас одна беседа: ближних судить. А мне некогда сегодня критикой заниматься, домой нужно.

Мурзавецкая. Ну, да как же! Деловой человек, важные занятия! А приедешь домой, на диван ляжешь, я ведь знаю. Все диваны пролежал, поминутно пружины поправляют.

Лыняев. Положение-то горизонтальное больно заманчиво.

Павлин приносит на подносе чайник, чашку и сахарницу. Анфуса наливает и пьет вприкуску.

Мурзавецкая(Анфусе). Вот тебе и работа, и пей сиди!

(Лыняеву.) На что это похоже, как ты разбух!

Лыняев. Сердце у меня доброе, и совесть чиста, вот и толстею. Да теперь похудею скоро, забота есть.

Мурзавецкая. Вот редкость-то! Что за забота?

Лыняев. Волка хочется поймать, травленого. На след никак не попаду.

Мурзавецкая. Ах, ты, судья праведный! Ну, дай Бог нашему теляти да волка поймати!

Лыняев. Завелся в нашем округе какой-то сутяга, что ни съезд, то две-три кляузы, и самые злостные. Да и подлоги стали оказываться. Вот бы поймать да в окружной!

Мурзавецкая. Ах, какой храбрый! А ты вот что скажи: отчего ты людям-то не кажешься, ни у кого не бываешь?

Лыняев. Боюсь.

Мурзавецкая. Что ты, маленький, что ли?

Лыняев. Кабы маленький, так бы не боялся: маленькому-то не страшно.

Мурзавецкая. Да чего, скажи на милость?

Лыняев. Женят.

Мурзавецкая. Вот страсть какая! Бобылем-то разве лучше жить?

Лыняев. Кому не страшно, а я боюсь до смерти, и уж где есть девицы, я в тот дом ни ногой.

Мурзавецкая. Как же ты ко мне-то ездешь? Мы обе девицы: и я, и Глафира.

Лыняев. Ведь у вас монастырь: кротость, смирение, тишина.

Мурзавецкая. Ну, и нам тоже пальца-то в рот не клади! Так вот отчего ты людей-то боишься.

Лыняев. Да разве кругом нас люди живут?

Мурзавецкая. Батюшки! Да кто же, по-твоему?

Лыняев. Волки да овцы. Волки кушают овец, а овцы смиренно позволяют себя кушать.

Мурзавецкая. И барышни тоже волки?

Лыняев. Самые опасные. Смотрит лисичкой, все движения так мягки, глазки томные, а чуть зазевался немножко, так в горло и влепится. (Встает и берет шляпу.)

Мурзавецкая. Тебе всё волки мерещатся – пуганая ворона куста боится. А меня ты куда ж? Да нет, уж лучше в волки запиши; я хоть и женщина, а овцой с тобой в одном стаде быть не хочу.

Лыняев. Честь имею кланяться! До свиданья, Анфуса Тихоновна. (Уходит.)

Мурзавецкая. Ну, вот приехал, а что умного сказал? Часто он у вас бывает?

Анфуса. Не то чтоб, а так уж... по соседству... известно уж...

Мурзавецкая. Любезничает с Евлампией-то?

Анфуса. Да уж... Где уж... куда уж...

Мурзавецкая. Что ж он у вас делает?

Анфуса. Да уж все... (Махнув рукой, зевает.) Вот тоже.

Мурзавецкая. Он зевает, а ты, пожалуй, и вовсе спишь. Плохой ты сторож, надо тебе хорошего помощника дать.

Павлин(растворяя двери). Евлампия Николаевна.

Входит Купавина.

Явление одиннадцатое

Мурзавецкая, Анфуса, Купавина.

Мурзавецкая. Здравствуйте, богатая барыня! Благодарю, что удостоили своим посещением!

Купавина. Я не редко бываю у вас, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая(сажает Купавину на свое кресло). Сюда, сюда, на почетное место!

Купавина. Благодарю вас. (Садится.)

Мурзавецкая. Как поживаете?

Купавина. Скучаю, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Замуж хочется?

Купавина. Куда мне торопиться-то? Мне уж надоело под чужой опекой жить, хочется попробовать пожить на своей воле.

Мурзавецкая. Да, да, да! Вот что? Только ведь трудно уберечься-то, коли женихи-кавалеры постоянно кругом увиваются.

Купавина. Какие женихи? Какие кавалеры? Я ни одного еще не видала.

Мурзавецкая. Полно, матушка! Что ты мне глаза-то отводишь? Я старый воробей, меня на мякине не обманешь!

Купавина. Так вы, значит, больше моего знаете.

Мурзавецкая. А Лыняев-то, Лыняев-то при чем у тебя?

Купавина. Не угадали! Ошиблись, Меропа Давыдовна. Что мне за неволя идти за Лыняева? Во-первых, он уж очень немолод, а во-вторых, совсем не такой мужчина, чтоб мог нравиться.

Мурзавецкая. Стар, стар для тебя. Хоть и выдешь за него, а что проку-то! Ни вдова, ни замужняя. Уж что Лыняев за муж? Распетушье какое-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Прощайте, господин! (франц.)

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandr-ostrovskiy/volki-i-ovcy>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)